

Рука Шэнь Яо, толкнувшая Дай Синхуэя с лестницы, даже не дрогнула. На его лице не отразилось ни капли ненависти — лишь абсолютное, ледяное равнодушие. Эта маска показалась Янь Чжисину смутно знакомой.

Шэнь Яо наконец показал свои острые когти, но, повернувшись к Янь Чжисину, мгновенно спрятал их. Окажись здесь кто-то другой, он безоговорочно поверил бы этой растерянности и хрупкому, уязвимому виду, беззвучно просящему о защите. Янь Чжисин понял, что прежде недооценивал этого юношу. Шэнь Яо не просто искал выгоду, торгуя собственным телом, — он был по-настоящему жесток.

Но даже этот вкрадчивый, интимный шепот — «гэгэ» — не заставил Янь Чжисина дрогнуть. На его лице не шевельнулся ни один мускул.

Лежащий на полу Дай Синхуэй со стоном попытался подняться. Каждое движение отзывалось в спине острой, режущей болью. Он был бледен как полотно, но в его глазах не было злости. Собственный возлюбленный столкнул его с лестницы, а он, преодолевая муку, упрямо пытался ползти обратно к нему.

Те издевательства из далекого детства почти стерлись из его памяти — мучители вообще редко помнят свои бесчинства. Осталось лишь смутное, стыдное знание: он поступал мерзко. Но когда они встретились вновь, повзрослевший Шэнь Яо оказался настолько красив, что Дай Синхуэй и его приятели лишились дара речи. Особенно когда он улыбался. С посторонними этот омега держался высокомерно и отчужденно, но ради них послушно прятал свои острые шипы.

Они ведь любили его еще тогда, мальчишками. Просто глупая детская гордость исходила злостью от того, что Шэнь Яо их не замечал. Позже насилие прекратилось. Они наперебой лезли вон из кожи, предавали друг друга и рвали старые связи ради одной его благосклонной улыбки. Дай Синхуэй сгорал от этой страсти больше восьми лет и не мог поверить, что за сладкой покорностью все это время скрывалась выжигающая ненависть.

Его глаза налились слезами. Он смотрел на Шэнь Яо снизу вверх, точно побитый пес, вымаливающий пощаду:

— Яояо...

Раз уж Янь Чжисин все равно стал свидетелем этой сцены, притворяться дальше не имело смысла. Шэнь Яо сбросил маску послушной куклы.

— Не смей называть меня так, — брезгливо бросил он. — Каждый раз, когда я слышу это имя из твоих уст, меня тошнит.

— Шэнь Яо... — послушно исправился тот. На губах выступила солоноватая кровь, но он, словно не замечая ее вкуса, прошептал с болезненным недоумением: — Но ведь я... я же правда

люблю тебя...

Шэнь Яо, уже собравшийся уходить, остановился.

Янь Чжисин продолжал стоять в стороне, безучастно наблюдая за драмой. Между его пальцев тлела сигарета — похоже, он просто вышел к окну покурить.

Шэнь Яо обратился к поверженному сопернику, но его взгляд, полный нежного, преданного обожания, устремился на Янь Чжисина:

— У меня уже есть альфа. Он превосходит тебя во всем. Не думаешь, что признаваться мне в любви прямо при нем — это верх наглости?

Эти слова ударили Дай Синхуэя под дых. В глазах потемнело. Шэнь Яо безжалостно растоптал его многолетние чувства, содрав с них красивую обертку и выставив на посмеище. Стыд и уязвленное самолюбие хлынули наружу безумной волной.

— Шэнь Яо! — в яростном бессилии прохрипел он.

— Вот видишь, — лицо Шэнь Яо оставалось безмятежным. Он опустил веки, разглядывая распростертого у ног врага. — Твои чувства всегда были дешевым фарсом. Будь это настоящая любовь, ты бы первым делом подумал о том, как вымолить у меня прощение за прошлое.

Дай Синхуэя словно окатило ледяной водой. Потеряв остатки сил, он повалился навзничь.

Шэнь Яо развернулся, не удостоив его больше ни единым взглядом.

— Впрочем, даже если ты приползешь на коленях, я тебя не прощу. Но ты можешь попробовать подняться снова. Я опять столкну тебя — проверим опытным путем, со скольких попыток ломается шея.

Воздух в легких Дай Синхуэя иссяк. Он судорожно зажмурился, и по ввалившимся щекам покатались горячие, позорные слезы. В этот миг он действительно готов был упасть на колени, разбить лоб о паркет, лишь бы вернуть хоть каплю прежней теплоты.

Но Шэнь Яо ушел вперед. Он мягко и кротко улыбался Янь Чжисину, глядя на него с таким восхищением, словно этот человек был его персональной вселенной.

Наблюдая за этим, Дай Синхуэй едва не лишился рассудка от ревности. Грудь сдавило спазмом, и он, зажав рот ладонью, зашелся в надрывном, удушливом кашле.

Шаги тонули в ворсе тяжелого коврового покрытия коридора. Шэнь Яо покорно шел на полшага позади старшего альфы. Дай Синхуэй не станет их преследовать — его душу только что выжгли дотла.

Достав из нагрудного кармана шелковый платок, Шэнь Яо неторопливо, с брезгливой тщательностью вытер пальцы, которыми касался одежды Дай Синхуэя. Поровнявшись с урной, он скомкал дорогую ткань и небрежно бросил в мусор.

— Вы ведь навели обо мне справки, верно? — невинным тоном поинтересовался он, заглядывая Янь Чжисину в лицо. — Тогда вам должно быть известно, что у меня никогда не было отношений. Этот парень безответно бегал за мной. Я его терпеть не могу, мы почти не виделись.

"Главное — чтобы он не заподозрил любовную драму, — рассуждал про себя Шэнь Яо. — Янь Чжисин может не любить меня, но он собирается поставить свою метку. А у альф собственнические инстинкты просыпаются бесконтрольно"

Янь Чжисин остановился перед дверью VIP-ложи и положил ладонь на позолоченную ручку.

— Меня не волнуют твои дела, пока ты в состоянии разгребать свои проблемы сам, — ровным голосом произнес он.

Лишняя головная боль в виде чужих скелетов в шкафу ему была не нужна. Сцена на лестнице лишь закрепила его мнение: этот омега — дикий, опасный зверь, которого будет крайне трудно удержать на поводке.

Тем не менее инстинкт превосходства давал о себе знать, накладываясь на легкую брезгливость Янь Чжисина к чужим вещам. Он добавил, не оборачиваясь:

— Держись подальше от других альф. Я не притрагиваюсь к тому, что побывало в чужих руках.

— Разумеется, — кротко согласился Шэнь Яо, преданно заглядывая ему в глаза. — Вокруг меня вьется много альф, но принадлежу я только тебе.

Янь Чжисин не поддался на дешевую лесть. В его холодных голубых глазах отразилось лишь глубокое понимание этой фальши. Голос мужчины прозвучал подобно треснувшему льду:

— Шэнь Яо, не пытайся со мной играть.

Цель визита Янь Чжисина на этот аукцион была сугубо деловой. Чэнь Шуан заранее выведал все о главном лоте вечера — старинном живописном свитке. Через две недели намечался торжественный прием по случаю смены главы влиятельной семьи Гу, и явиться туда без достойного подношения было немыслимо. Янь Чжисин выкупил картину, даже не

поморщившись, когда первоначальная цена взлетела в несколько раз.

Когда Янь Чжисин на долгое время пропал с радаров, Шэнь Яо наконец осознал истинный смысл того холодного предупреждения. Глава семьи Янь разительно отличался от тех альф, с которыми омега имел дело прежде. Они оба привыкли безраздельно доминировать и диктовать свои условия.

"Ему не нужен партнер, — думал Шэнь Яо, заново переосмысляя их встречу. — Ему нужна послушная кукла. Красивая, покорная и полностью подконтрольная"

Затянувшимся молчанием альфа очерчивал границы.

В высшем обществе уже поползли слухи об их связи. Если этот взаимовыгодный союз сейчас рухнет, Янь Чжисин без труда найдет себе другой омежий источник феромонов. А вот для Шэнь Яо разрыв обернулся бы катастрофой. Что ж, если господину Яню угодно видеть послушание — Шэнь Яо примерит эту маску. Смирение — скромная цена за безопасность и ресурсы, которые давал этот союз.

Впервые за все время он позвонил альфе сам. Спустя час у подъезда его дома уже тихо урчал мотором представительский черный седан.

Сев на заднее сиденье, Шэнь Яо с удивлением обнаружил за рулем незнакомого человека.

— А где Чэнь Шуан? — спросил он.

Новый личный помощник вежливо улыбнулся в зеркало заднего вида, но уклонился от прямого ответа:

— Господин Янь отправил его по другому поручению.

Это был лишь второй визит Шэнь Яо в загородное поместье. Кованые ворота послушно распахнулись, пропуская машину на территорию. Поднимаясь по мраморной лестнице, омега испытывал странное, двойное чувство. Найдя нужную дверь, указанную помощником, он тихо постучал и вошел в кабинет.

Кабинет дышал строгой роскошью темных тонов. В центре возвышался массивный письменный стол из мореного дуба, а от стен, уставленных высокими книжными шкафами, исходила тяжелая, почти осязаемая аура давления. Шэнь Яо на секунду замер на пороге, справляясь с мгновенным оцепенением, после чего бесшумно скользнул внутрь. Пройдя мимо бесконечных стеллажей, он остановился у кресла Янь Чжисина.

Согласно их договору, Шэнь Яо обязался регулярно принимать временную метку альфы. Именно ради этого он и прибыл. Юноша нервно облизнул пересохшие губы и замер, не произнося ни слова. Его преданный, выжидающий взгляд был устремлен на мужчину.

Процесс постановки метки требовал тесного телесного контакта, но до сих пор их близость ограничивалась лишь одним отчаянным объятием во время внезапного периода гона омеги — да и то было чистой случайностью. Шэнь Яо интуитивно чувствовал, что сегодня Янь Чжисин не настроен на ласку и объятия.

Предчувствие его не обмануло.

— Обопрись о стол, — бесстрастно скомандовал альфа.

Столешница оказалась идеальной высоты. Шэнь Яо покорно опустил на нее ладони. Сейчас он волновался по-настоящему, без всякой актерской игры. Ему уже случалось принимать метки, но никогда еще это не происходило в столь унижительной, холодной обстановке. В строгом полумраке кабинета, под безучастными взглядами сотен ровных книжных корешков, он стоял согнувшись, полностью беззащитный и открытый. И ждал укуса от человека, с которым они даже ни разу не целовались.

"Даже в тот кошмарный вечер в Павильоне Скрытой Орхидеи, когда меня настиг ненавистный, презираемый мною альфа и силой поставил временную метку, все ощущалось иначе, — промелькнуло в голове Шэнь Яо. — Там была ярость, борьба. Здесь — лишь ледяной расчет"

Сзади раздался тихий шорох шагов. Широкие ладони Янь Чжисина легли на стол по обе стороны от рук Шэнь Яо, отрезая пути к отступлению. Омега оказался заперт в тесном кольце чужого тела. Чуть подавшись назад, он лопатками ощутил твердость чужой широкой груди.

И тут прямо над его ухом прозвучал неожиданный, резкий вопрос:

— Тебя уже маркировал другой альфа?

Кадык Шэнь Яо судорожно дернулся. Не колеблясь ни секунды, он качнул головой в знак отрицания.

Взгляд Янь Чжисина потемнел. Он стоял вплотную, почти касаясь омеги, и сверху вниз смотрел на его беззащитную шею, на обнаженную, нежную кожу в районе чувствительной железы. Задавая этот вопрос, альфа заранее знал ответ. Шэнь Яо врал легко и вдохновенно, как дышал. Но даже испытывая физическую зависимость от его сладких феромонов, Янь Чжисин не собирался отдавать контроль над ситуацией или показывать слабость.

Он приоткрыл рот, обнажая острые клыки. Его лицо оставалось маской безучастности.

Шэнь Яо ждал, когда воздух наполнится успокаивающими феромонами альфы, но вместо этого его кожу без предупреждения пронзили острые клыки.

Сдавленный стон сорвался с его губ.

У Янь Чжисина явно было мало опыта в подобных вещах. Сначала он пытался действовать осторожно, но быстро потерял самообладание — его движения стали резкими, грубыми и жадными. Шэнь Яо показалось, что альфа сейчас насквозь прокусит его плоть, пустив кровь. Омега бессильно зажмурился, его пальцы судорожно вцепились в полированный край столешницы, сиюсь отвлечься от разрывающей боли и дикого, животного возбуждения.

Но вокруг по-прежнему царила мертвая пустота: Янь Чжисин упрямо сдерживал свой аромат. Это противоречило самой природе АВО. Без спасительных, умиротворяющих феромонов альфы Шэнь Яо чувствовал себя заживо погребенным. Его тело и разум подчинялись, забирали силой, лишая привычной анестезии. Он метался в тисках, словно затравленный олень в капкане, когда хищник уже дышит в затылок, а спасения ждать неоткуда.

Шэнь Яо судорожно вскинул голову, пытаясь глотнуть ртом воздух, но тут же бессильно уронил ее на грудь, задыхаясь, словно выброшенная на берег рыба.

— Почему... — едва слышно прохрипел он, содрогаясь всем телом. — Почему я не чувствую твоих феромонов?

Ответа не последовало. Напротив, дерзкий вопрос лишь рассердил альфу. Навалившись сверху всем телом, Янь Чжисин вогнал клыки еще глубже в истерзанную плоть.

Этого Шэнь Яо уже не вынес. Ноги подогнулись, и он мешком повалился назад, прямо в чужие объятия. Сильная, литая рука тут же намертво перехватила его поперек талии, не давая упасть на пол.

Клыки Янь Чжисина глубоко увязли в нежной железе. Он блокировал собственные феромоны лекарственными средствами, но сладкий, дурманищий аромат абрикосового цвета, исходивший от омеги, окутал его плотным облаком, сводя с ума. Хватка на талии Шэнь Яо становилась все более жесткой, удушающей. Сначала альфа клятвенно обещал себе держать дистанцию и не опускаться до банальных объятий, но теперь сам прижимал обмякшее тело к своей груди так крепко, словно пытался растворить его в себе.

Это был всего лишь второй раз в его жизни, когда он ставил метку. Обладание омегой с запредельным уровнем совместимости приносило почти наркотическое наслаждение, заставляя вибрировать каждую нервную клетку. Обычная процедура занимала от силы минут пять, но Янь Чжисин, точно одичавший зверь, дорвавшийся до добычи, терзал шею Шэнь Яо добрых десять минут и даже не думал разжимать челюсти. Первоначальный холодный расчет испарился; осталось лишь первобытное желание держать, сжимать и не отпускать.

Шэнь Яо из последних сил цеплялся за ускользающее сознание. Закусив губу, он резко вскинул руку и с силой полоснул ногтями по тыльной стороне ладони альфы, оставив три глубокие багровые борозды. Он хотел прекратить эту экзекуцию. А еще — заставить этого заносчивого ублюдка тоже почувствовать боль.

Вспышка боли возымела действие. Челюсти альфы разомкнулись, выпуская истерзанную шею.

Шэнь Яо судорожно развернулся в его руках и изо всех сил толкнул Янь Чжисина в грудь, разрывая объятия.

<http://bllate.org/book/18245/1748445>